

Мои воспоминанія и размышленія.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

„Но каждый смотри какъ строить... Каждого дѣло обнаружится... у кого дѣло, которое онъ строить, устоитъ, тотъ получитъ награду, а у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ, впрочемъ самъ спасется, но такъ какъ бы изъ огня“.
(1 Кор. 3, 10—15, *passim*).

„Каждый да испытываетъ свое дѣло, и тогда будетъ имѣть похвалу только въ себѣ, а не въ другомъ, ибо каждый понесетъ свое бремя“
(Гал. 6, 4 и 5).

Скончавшійся почти четыре года тому назадъ на 81-мъ году жизни отецъ мой, сенаторъ Александръ Ивановичъ Георгіевскій, оставилъ послѣ себя записки, озаглавленныя имъ самимъ „Мои воспоминанія и размышленія“. Этому труду, составленному со всею тщательностью и основательностью, на основаніи не только личныхъ воспоминаній, но и документальныхъ данныхъ, отецъ мой посвятилъ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни, работая надъ ними въ тиши Царскаго Села, гдѣ онъ поселился, покинувши должность председателя ученаго комитета послѣ назначенія своего сенаторомъ. Работы этой онъ не прерывалъ и тогда, когда началъ терять зрѣніе и не могъ писать уже самъ, а долженъ былъ диктовать свои записки, до послѣдняго дня своей жизни сохранивши полную ясность ума и свѣжесть памяти.

Къ сожалѣнію, дряхлѣющія уже силы, почти полная потеря зрѣнія и отвлеченіе отъ этого труда другими работами и занятіями не дали ему возможности довести свои воспоминанія до конца, которыя прерываются на 1867 году. Но и въ этой своей

части онѣ представляютъ большой общественный интересъ и значеніе. По этимъ запискамъ видно, какъ изъ бывшаго питомца славнаго когда-то Московскаго дворянскаго института и студента Московскаго университета конца сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія постепенно выработывался и закалялся будущій публицистъ, профессоръ и выдающійся дѣятель на нивѣ родного просвѣщенія, человѣкъ съ несокрушимой энергіей и желѣзной волей, глубоко преданный сынъ нашей православной церкви и беззавѣтно вѣрный слуга своего Государя и Отечества. Уже въ эти первые годы подготовленія къ предстоящей дѣятельности и первыхъ ея шаговъ судьба сблизила автора этихъ записокъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, имена которыхъ принадлежать исторіи. Передъ умственнымъ взоромъ читателя проходятъ какъ въ калейдоскопѣ и профессора, и публицисты, и общественные, и государственные дѣятели той отдаленной уже теперь эпохи конца царствованія Императора Николая Павловича и начала царствованія Императора Александра II, когда надъ Россіей занималась заря новой жизни. Особенно много страницъ и теплыхъ воспоминаній посвящено въ этихъ запискахъ М. Н. Каткову, Н. И. Пирогову и Ѳ. И. Тютчеву, какъ по той близости, которая была у отца съ этими тремя дѣятелями, такъ и по его преклоненію передъ ихъ умомъ и геніальностью. Вотъ какъ самъ авторъ записокъ говоритъ по этому поводу: „Я имѣлъ счастье на своемъ вѣку имѣть дѣло со многими выдающимися дѣятелями; но на одномъ уровнѣ съ Пироговымъ по геніальности и обаятельности я могъ бы поставить только двоихъ, мало въ чемъ сходныхъ, какъ съ нимъ, такъ и между собою: это М. Н. Каткова и Ѳ. И. Тютчева“. Что придаетъ этимъ страницамъ особенный интересъ и значеніе, это то, что онѣ касаются тѣхъ сторонъ жизни этихъ выдающихся дѣятелей, которыя, пожалуй, менѣе всего извѣстны публикѣ, рисуя Каткова какъ человѣка и какъ профессора, Пирогова—какъ администратора въ качествѣ попечителя учебнаго округа и Тютчева—въ его интимной сердечной жизни, въ послѣдней любви его, предмету которой имъ были посвящены одни изъ наиболѣе вдохновенныхъ его произведеній и про которую самъ поэтъ сказалъ:

О ты, послѣдняя любовь!

Ты и блаженство и безнадежность...

Не доведя самъ своихъ записокъ до конца, отецъ мой не разъ въ послѣдніе годы своей жизни выражалъ мнѣ надежду,

что мнѣ удастся окончить этотъ его трудъ, пользуясь для этого сохранившимися у него и приведенными имъ самимъ въ порядокъ его замѣтками, официальными записками, письмами разныхъ лицъ къ нему и его письмами ко мнѣ. Конечно, такому продолженію этихъ записокъ будетъ недоставать живости и свѣжести личныхъ воспоминаній, но и при всемъ томъ, если только Богъ поможетъ мнѣ исполнить эту задачу, оно можетъ дать довольно точную и вѣрную картину наиболѣе интереснаго періода дѣятельности моего отца, когда онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по министерству народнаго просвѣщенія, которому были отданы лучшіе годы его жизни и его еще свѣжія силы.

Левъ Георгиевскій.

I.

В ъ с е м ѣ ѣ.

(1830—1839 гг.)

Я родился 31 іюля 1830 г. въ Москвѣ въ Барашевскомъ переулкѣ (который идетъ съ Покровки отъ церкви Воскресенья въ Барашахъ до церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы), въ домѣ Подобѣдовой. Впрочемъ мнѣ было всего 6 мѣсяцевъ и 25 дней, когда отецъ мой купилъ себѣ домъ на Земляномъ валу, или, какъ значитъ въ купчей крѣпости отъ 26 февраля 1841 г., въ Земляномъ городѣ, Яузской части 3-го квартала № 297 (въ послѣдствіи № 286). Домъ этотъ принадлежалъ вдовѣ одного изъ героевъ отечественной войны 1812 г. генераль-лейтенанта Невѣровскаго и достался ей по наслѣдству отъ матери ея, адмиральши Прасковьи Ивановны Мушиной-Пушкиной вмѣстѣ съ внучкою послѣдней Масюковой, рожденною княжною Вяземскою. Отецъ мой, окончившій курсъ Московскаго университета по медицинскому факультету весною 1812 г., былъ командированъ въ дѣйствующую армію, къ Смоленску, въ военный госпиталь той дивизіи, которой командовалъ генераль Невѣровскій и сталъ лично ему извѣстенъ, а затѣмъ, по смерти Невѣровскаго, смертельно раненаго въ сраженіи подъ Лейпцигомъ въ 1813 г., продолжалъ бывать у его вдовы Елизаветы Алексѣевны, которая и уступила ему свой домъ за 10,500 р. ассигн., „тронутая будто бы моими ласками“, какъ о томъ хранилось преданіе въ моей семьѣ.

Цѣна эта и для того времени была болѣе чѣмъ умѣренная,

потому что домъ, хотя и деревянный на каменномъ фундаментѣ и одноэтажный съ мезониномъ, былъ все-таки довольно большой, съ 7-ю большими комнатами внизу и 5-ю въ мезонинѣ, и тремя надворными постройками, не считая сарая для двухъ коровъ на заднемъ дворѣ, дровяного сарая на маломъ дворѣ и большой деревянной бесѣдки (бывшей прежде бани) въ саду, которая впоследствии была лѣтнимъ жилищемъ для меня и моихъ двухъ братьевъ.

Наибольшая прелесть этого дома, какъ и большей части домовъ на Земляномъ валу въ Москвѣ, заключалась въ томъ, что онъ со всѣхъ сторонъ былъ обсаженъ деревьями и кустарниками; передъ домомъ на улицу выходилъ большой палисадникъ со множествомъ китайскихъ яблонь, кустовъ сирени и дикаго жасмина, благоухавшихъ весною и раннимъ лѣтомъ предъ окнами передняго фасада дома; за домомъ былъ также небольшой палисадникъ съ кустами крыжовника и малины, а по сторонамъ, какъ при въѣздѣ въ ворота къ крыльцу, такъ и на противоположномъ маломъ дворѣ, были березы и серебристые тополи. Но главную прелесть составлялъ большой садъ за большимъ дворомъ и надворнымъ строеніемъ, въ которомъ помѣщались прачешная, кухня и небольшая квартира съ двумя комнатами и особой небольшой кухней,—садъ, съ трехъ сторонъ окруженный большими садами и богатымъ фруктовыми деревьями, особенно же превосходными яблонями, кустами малины, крыжовника, всякаго рода смородины и грядами клубники и земляники. Отецъ любилъ самъ заниматься садомъ и посвящалъ ему много времени въ болѣе поздніе годы своей жизни, когда онъ уже мало занимался медицинскою практикою, а намъ, дѣтямъ, были отведены въ наше пользованіе извѣстное количество фруктовыхъ деревьевъ и кусты ягодъ, за которыми мы сами должны были имѣть и уходъ, конечно, подъ надзоромъ и руководствомъ отца. Домъ и всѣ постройки, съ большимъ, малымъ и заднимъ дворами, палисадниками и садомъ, занимали 605 кв. саж., и слѣдовательно 1 кв. саж. при покупкѣ обошлась въ 17 р. 34 коп. ассигнаціями, то-есть, менѣе чѣмъ 5 р. сер.

Въ этой-то почти сельской обстановкѣ, на лонѣ природы, протекали счастливые годы моего дѣтства и юности до самаго сентября 1848 года, когда мы по смерти отца, въ виду необходимости раздѣла имущества съ братьями, состоявшими въ военной службѣ, и трудности ремонта дома, также за ничто продали этотъ прелестный домъ доктору Бушу, всего за 4,000 руб. сер. (по 6 руб. 60 коп. за 1 кв. саж.).

Съ этимъ домомъ и особенно съ его садами и дворами, большимъ и малымъ, связаны самыя лучшія воспоминанія моего дѣтства и моей юности. Насъ было трое братьевъ и три сестры. Сестры были много насъ старше (старшая сестра Надежда родилась 29-го мая 1819 года, вторая Вѣра въ 1820 году, а третья Любовь въ 1821 году) и мало или и вовсе не участвовали въ нашихъ играхъ и забавахъ; но мы трое предавались имъ въ саду или на дворѣ, когда только было возможно, безъ всякаго стѣсненія и на полной нашей волѣ. Особенно изобрѣтателенъ на всякаго рода игры и затѣи былъ старшій братъ Василій, во всемъ необыкновенно умѣлый и способный, который, будучи на 4 почти года старше брата Дмитрія и почти на 5 лѣтъ старше меня (онъ родился 29-го сентября 1825 года), уже поэтому первенствовалъ между нами. Изрѣдка дозволялось принимать участие въ нашихъ играхъ кучеру Егору, который былъ настоящимъ нашимъ любимцемъ, потому что самъ онъ очень любилъ свою четверню, а по временамъ и шестерку лошадей, и хорошо за ними ходилъ, былъ удалымъ, смѣлымъ и умѣлымъ ѣздокомъ, любилъ скорую ѣзду и не боялся никакихъ самыхъ рѣзвыхъ и нравныхъ лошадей и сверхъ того былъ мастеръ на всѣ руки: змѣя ли устроить, или ходули, или ледяную гору, или катокъ для коньковъ, онъ все умѣлъ и все дѣлалъ съ охотой. Играть съ нимъ „въ одинъ шкуль“ въ бабки считалось за особую честь. Игра въ бабки вообще не поощрялась, особенно матерью, но отецъ не рѣшался ее запретить, считая ее полезною гимнастикой, развивающею вмѣстѣ и мѣткость; особенно же онъ цѣнилъ въ этомъ отношеніи *комъ за комъ*, а мы съ своей стороны еще болѣе любили *поски* и *пристьнокъ*. Игра въ бабки смѣнялась играми въ мячъ, въ бары, въ лапту и т. д., или хожденіемъ и даже бѣганіемъ на ходуляхъ, пусканіемъ большихъ змѣевъ на необыкновенную высоту, игрою въ свайку и т. д. Въ зимнее время преобладало катанье на конькахъ съ горы и на каткѣ, которые сначала устраивались на большомъ дворѣ прямо предъ окнами отцовскаго кабинета, гдѣ обыкновенно сживала читая или работая шапан, при чемъ могла всегда наблюдать и за нами, а потомъ, когда уже менѣе нужно было присматривать за нами, гора и катокъ устраивались въ аллеяхъ и на площадяхъ сада. Въ саду же въ весеннее, лѣтнее и осеннее время года, въ хорошую погоду, шло и ученіе, если не нужно было писать, и приготовленіе уроковъ, впоследствии же и приготовленіе къ экзаменамъ какъ институтскимъ, такъ и университетскимъ.

Такая благоприятная домашняя обстановка и такое раздолье во всемъ, что касается до игръ и забавъ на чистомъ воздухѣ, конечно, много содѣйствовали развитію здоровья и крѣпости нашихъ силъ. Разумные и вполне развитые родители наши не стѣсняли насъ и въ прогулкахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, отпуская насъ однихъ, но всякій разъ съ особаго разрѣшенія, въ определенное мѣсто и на определенное время всѣхъ троихъ или же двоихъ вмѣстѣ, послѣ надлежащихъ наставленій, какъ держать себя во время прогулки, въ числѣ каковыхъ наставленій на первомъ мѣстѣ было то, чтобы ни съ кѣмъ не заговаривать самимъ ни изъ ровесниковъ, ни изъ старшихъ, вѣжливо отвѣчая, однако же, послѣднимъ на ихъ вопросы, и затѣмъ никуда и ни къ кому не заходить, кромѣ церкви, и ничего не покупать. Я помню, что еще за долго до поступленія моего въ Московскій дворянскій институтъ, т. е., до времени, когда мнѣ минуло 9 лѣтъ, мнѣ въ компаніи братьевъ случалось ходить даже въ Сокольники на тамошнія гулянья по пятницамъ или въ лагерь Московскаго учебнаго карабинернаго полка, когда тамъ играла полковая музыка и была заря, и еще чаще ко всенощной и къ обѣднѣ въ болѣе или менѣе отдаленныя отъ насъ церкви (на Воронцовомъ полѣ въ церковь Іліи пророка, гдѣ очень славился тогда хоръ купца Прокофьева, или Троицы на Грязяхъ на Покровкѣ, гдѣ очень хорошо пѣли пѣвчіе полковника Ильина или же въ церковь при Шереметевской больницѣ, недалеко отъ Сухаревой башни, гдѣ пѣли знаменитые Чудовскіе пѣвчіе). Нерѣдко родители давали намъ троимъ лошадей съ кучеромъ Егоромъ, чтобы прокатиться на дрожкахъ въ Петровскій паркъ или въ Сокольники, а на масляницѣ послѣ блиновъ въ саняхъ на гулянье подъ Новинское, и тутъ-то Егоръ показывалъ намъ всю свою удалъ и всю прыть и рѣзвость своихъ выхоленныхъ коней.

Въ дѣлѣ нашего воспитанія на первомъ, повидимому, планѣ было у родителей приучить насъ Богу молиться и дома, и въ церкви, во время общественныхъ богослуженій, и при томъ молиться въ надлежащемъ настроеніи духа, въ твердой надеждѣ на милость Божію, въ искренней благодарности за всѣ милости Божіи и ниспосланныя намъ большія и малыя радости, съ возможнымъ по возрасту нашему разъясненіемъ словъ молитвы и значенія наступавшихъ церковныхъ праздниковъ. До 7-ми или 8-ми-лѣтняго моего возраста наши двѣ дѣтскія комнаты размѣщались въ мезонинѣ наверху, и въ одной изъ этихъ комнатъ, когда старшій братъ уже подростъ, спала наша

старая няня, при раскрытыхъ дверяхъ, въ другой же большой мы—втроемъ или вдвоемъ, такъ какъ старшій братъ былъ уже въ институтѣ, и рано утромъ насъ приводили къ отцу, который вставалъ чрезвычайно рано, часа въ 4 или въ 5, тогда какъ тата, довольно слабого здоровья, еще опочивала въ диванной, гдѣ была и образница, и отецъ ставилъ насъ передъ своимъ образомъ въ кабинетѣ и заставлялъ насъ громко повторять за собою положенныя утреннія молитвы, сначала весьма немногія, затѣмъ все болѣе размножавшіяся по мѣрѣ того, какъ мы, ежедневно повторяя, заучивали однѣ и тѣ же молитвы, такъ что ко времени поступленія моего въ институтъ я уже зналъ почти всѣ утреннія молитвы и большую часть молитвъ на сонъ грядущимъ. Послѣднія молитвы тѣмъ же порядкомъ, но предъ большою образницею, по вечерамъ, когда насъ приводили прощаться съ родителями, заставляла насъ за собою повторять наша добрѣйшая тата, которая во время ежедневныхъ съ нами бесѣдъ въ назначенное для того время разъясняла намъ по возможности каждую молитву какъ утреннюю, такъ и вечернюю, передъ тѣмъ какъ она должна была впервые войти въ нашъ обиходъ; разъясняла также двенадцатые и другіе большіе церковные праздники предъ ихъ наступленіемъ, заставляя насъ не разъ повторять всѣ эти разъясненія. Я говорю: „насъ“, разумѣя при этомъ себя и брата моего Дмитрія, который былъ только на 1 годъ и 3 мѣсяца старше меня и съ которымъ я воспитывался и учился вмѣстѣ. Какъ памятно мнѣ всѣ эти молитвы съ отцомъ и матерью, и какъ радостно было для меня возвращеніе подъ кровъ мой, по смерти младшей моей сестры, въ октябрѣ 1899 года, значительной части этой семейной святыни, этихъ священныхъ семейныхъ образовъ, предъ которыми я впервые учился и приучился молиться Богу. Не менѣе памятно мнѣ, какъ отецъ самъ приходилъ будить насъ, малышей, часа въ 2 или 3 ночи въ большіе праздники, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти въ нашъ приходъ къ Іакову Апостолу къ заутренѣ — въ это время въ Москвѣ съ 14-го сентября и до кануна Юмина воскресенья вовсе не было всеобщихъ въ приходскихъ церквахъ—и какъ мы въ трескучіе морозы съ истиннымъ веселіемъ сердца въ припрыжку поспѣвали за нимъ и въ праздничномъ настроеніи духа слушали не совсѣмъ стройное, но зато очень громкое и усердное пѣніе двухъ сборныхъ хоровъ пѣвчихъ на обоихъ клиросахъ: отецъ, а впослѣдствіи и мы сами, участвовали въ этомъ пѣніи на правомъ клиросѣ, а отецъ не-

рѣдко читалъ пареміи и апостола. Великимъ утѣшеніемъ для нашихъ родителей было, что какъ-то разъ, будучи уже институтцами, мы трое вмѣстѣ съ отцомъ пропѣли всю заутреню и обѣдню, большею частью по нотамъ, на Рождество Христово; повидимому, и причтъ, и прихожане не были недовольны нашимъ пѣніемъ. Я пѣлъ альтомъ, братъ Дмитрій дискантомъ, Василій теноромъ, а отецъ басомъ.

Встрѣтивъ такимъ образомъ всякій великій праздникъ въ своей приходской церкви всею семьей (пашапъ съ тремя дочерьми и съ жившею вмѣстѣ съ нами тетуской Варварой Антоновной Малиновскою отправлялись въ церковь обыкновенно въ четырехмѣстной каретѣ, какъ тогда водилось, цугомъ, съ форейторомъ), мы всѣ тѣмъ же порядкомъ возвращались домой въ самомъ праздничномъ настроеніи духа и въ такомъ же жизнерадостномъ, веселомъ и бодромъ настроеніи (за крайне рѣдкими исключеніями) проводили всѣ праздники. И пашапъ и отецъ, повидимому, особенно старались о поддержаніи такого настроенія духа во всей семьѣ, чтобы какъ можно болѣе отличить праздники отъ будней, и они вполнѣ достигали своей цѣли. Вѣчная и благоговѣйная имъ благодарность за всѣ эти ихъ старанія: привитыя ими намъ религіозныя привычки и связанная съ молитвою и съ церковью драгоценныя воспоминанія дѣтства не разъ предохраняли меня отъ всякаго рода пагубныхъ вліяній, отъ всякихъ сомнѣній, невѣрія и лжеученій. Умъ по временамъ совсѣмъ сбивался съ толку, а сердце все влекло къ Богу, къ церкви, къ молитвѣ, и праздникъ былъ не въ праздникъ, когда не побываешь у заутрени или у всеобщей и особенно у обѣдни; пришлось усиленно искать выхода изъ этого томительнаго раздвоенія, и онъ былъ найденъ съ помощью такого великаго наставника, какимъ былъ незабвенный, чтимый мною почти наравнѣ съ моими приснопамятными родителями, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, который путемъ философіи и науки успѣлъ примирить отпадавшій отъ православной вѣры умъ съ религіозно-настроеннымъ сердцемъ.

Въ числѣ особыхъ религіозныхъ обычаевъ семьи было ежегодное посѣщеніе вечерней службы въ честь мученика Іоанна Воина и служеніе молебна ему въ храмѣ его имени наканунѣ дня, посвященнаго его памяти 30 іюля. Обычай этотъ возникъ такимъ образомъ: родители мои въ крайнихъ денежныхъ затрудненіяхъ съ людьми, очень имъ дорогими, противъ которыхъ они не рѣшались прибѣгнуть ни къ какимъ мірскимъ властямъ, обратились, по совѣту одного благочестиваго старца, къ пред-

стательству св. мученика Іоанна Воина и послѣ вечерни въ день его памяти въ его храмъ за Москвой рѣкой, въ очень далекомъ разстояніи отъ нашего дома отслужили ему молебенъ, и, о чудо! на другой же день въ самый праздникъ св. Іоанна Воина весь долгъ, въ которомъ заключалось все состояніе семьи, былъ уплаченъ моимъ родителямъ; должникъ ихъ (К. А. Левашевъ) вышелъ изъ всякихъ затрудненій, остался въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ моими родителями и даже убѣдилъ ихъ принять отъ него за все время проценты. Въ ознаменованіе столь чудеснаго и неожиданнаго событія родители мои положили ежегодно отправляться наканунѣ 30-го іюля къ вечернѣ въ церковь Іоанна Воина и служить молебенъ. И вотъ однажды, когда мы всею семьей въ двухъ экипажахъ (четырехмѣстной каретѣ, запряженной четверней въ рядъ съ кучеромъ Егоромъ, и въ коляскѣ, гдѣ за кучера былъ фореиторъ) ѣхали въ церковь Іоанна Воина за Москву рѣку, и проѣзжая Воронцовымъ полемъ, поровнялись съ церковью Николая въ Воробинѣ, вдругъ задняя ось кареты сломалась. Дальше ѣхать было невозможно. Въ это самое мгновеніе съ колокольни храма раздался торжественный благовѣстъ: оказалось, что въ храмъ есть придѣлъ во имя Іоанна Воина и что праздникъ справляется очень торжественно съ участіемъ во всѣхъ службахъ хора пѣвчихъ. Вся семья наша пошла въ эту церковь, отслушала вечерню и молебенъ, и затѣмъ положено было ежегодно 29 іюля въ этой церкви слушать вечерню и служить молебенъ Іоанну Воину, но ходить въ эту церковь пѣшкомъ назадъ и впередъ; исключеніе дѣлалось только для татап, которая не могла ходить пѣшкомъ такъ далеко, хотя это и было раза въ четыре ближе отъ нашего дома, чѣмъ замоскворѣцкій храмъ Іоанна Воина.

Дѣло воспитанія и первоначальнаго обученія нашего лежало главнѣйше на нашей дорогой татап, такъ какъ отецъ въ эту пору своей жизни былъ поглощенъ своею медицинскою практикою. Отецъ мой, Иванъ Васильевичъ Георгіевскій, прошелъ строгую и суровую школу сначала во Владимірской духовной семинаріи, а потомъ учился въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Изъ семинаріи, вмѣстѣ съ довольно обширнымъ богословскимъ образованіемъ и твердымъ знаніемъ церковныхъ службъ, онъ вынесъ добрые религіозные навыки и основательное знаніе какъ обоихъ древнихъ языковъ, такъ и языковъ церковно-славянскаго и русскаго, къ чему впоследствии присоединилось порядочное знаніе языковъ фран-

цузскаго и нѣмецкаго, прибрѣтенное имъ во время заграничнаго путешествія, которое онъ совершилъ еще до женитьбы своей (въ 1818 г.), сопровождаая въ качествѣ врача извѣстную Московскую семью С. А. Мельгунова и супруги его Екатерины Алексѣевны (рожденной Дурасовой), а Московскому университету онъ былъ обязанъ недюжиннымъ для того времени медицинскимъ образованіемъ, и до конца жизни съ благодарностью всегда вспоминалъ онъ своихъ наставниковъ профессоровъ Мудрова и особенно Мухина. Еще въ бытность студентомъ онъ исполнялъ обязанности прозектора по кафедрѣ анатоміи подъ ближайшимъ руководствомъ профессора Ефрема Осиповича Мухина, который, повидимому, прочилъ его себѣ въ ассистенты, а потомъ и въ преемники по этой кафедрѣ. Какъ уже выше упомянуто, по окончаніи курса въ 1812 г., какъ только началась отечественная война 1812 г., отецъ мой былъ командированъ въ дѣйствующую армію въ качествѣ врача, а затѣмъ по окончаніи войны вступилъ на службу въ Московскій университетъ, въ должности прозектора по кафедрѣ анатоміи. Послѣ публичнаго, при членахъ медицинской конторы докторскаго экзамена 9 января 1815 г., онъ защитилъ 26 января 1816 г. докторскую диссертацию: *De aneurismate, adnexis tribus observationibus. Diss. D. M. M. 1816.*

Въ попавшемся мнѣ случайно весьма полезномъ трудѣ д-ра медиц. Льва Θεодоровича Змѣева: „Русскіе врачи-писатели“. Вып. I до 1863 г. сказано, между прочимъ, о моемъ отцѣ: „Въ 1826 г., пролежавъ около года въ студенческой больницѣ, уволенъ по прошенію отъ прозекторства“. 1826-й годъ—это не болѣе какъ опечатка вмѣсто 1816 г., ибо въ 1826 г. отецъ мой былъ уже 8 лѣтъ женатъ, и у него было четверо дѣтей, и въ эту пору своей жизни, будь онъ боленъ, онъ, конечно, не лежалъ бы въ студенческой больницѣ. Должность прозектора онъ покинулъ дѣйствительно по болѣзни и затѣмъ былъ назначенъ руководителемъ—наблюдателемъ (наблюдающимъ репетиторомъ, по словамъ г. Змѣева) за выпускными студентами медиками въ Московскомъ военномъ госпиталѣ. Для нихъ, вѣроятно, въ качествѣ руководства было имъ переведено съ французскаго сочиненіе *Бруссе* (Broussais)—„Афоризмы или главныя основанія физиологіи, патологіи и терапіи. Москва 1724“. Печатано, кажется, на казенный счетъ, замѣчаетъ г. Змѣевъ, который говоритъ, что въ той же должности онъ былъ еще и въ 1827 г. и, какъ я слышалъ отъ одного изъ бывшихъ нѣкогда на его попеченіи студентовъ, онъ, благодаря своей твердости и умѣ-

лости, а особенно — благодаря своей сердечной заботливости о студентахъ и своимъ познаніямъ, имѣлъ на нихъ самое благотворное вліяніе и пользовался ихъ любовью и уваженіемъ. Также сердечно и умѣло обращался онъ съ учащеюся молодежью и въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ (на Остоженкѣ), и въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, впоследствии преобразованномъ въ Московскій дворянскій институтъ, въ которыхъ онъ состоялъ врачомъ, почти до конца жизни, пользуясь любовью воспитанниковъ и довѣріемъ ихъ родителей.

Мало-по-малу медицинская практика совсѣмъ отвлекла его отъ ученой и учебной карьеры, и онъ посвятилъ себя этой практикѣ съ тою любовью къ своему дѣлу и своему призванію, которая коренилась въ глубокой его религіозности. Въ самый разгаръ своей практики онъ никогда и никому изъ самыхъ бѣдныхъ больныхъ не отказывалъ въ своей помощи, принимая ихъ у себя на дому въ большомъ числѣ въ той небольшой квартирѣ, которая была въ надворномъ строеніи передъ садомъ, держалъ для нихъ особаго фельдшера и съ нихъ обыкновенно, когда они оказались тяжело больными, начиналъ ежедневные свои визиты, чему много способствовало необыкновенно раннее его вставанье. Особенную извѣстность въ Москвѣ и далеко за ея предѣлами онъ приобрѣлъ лѣченіемъ нервныхъ, истерическихъ и душевныхъ болѣзней (въ томъ числѣ и падучей болѣзни) имъ самимъ изобрѣтеннымъ лѣкарствомъ, которое онъ самъ и приготовлялъ съ усердною всегда молитвою за своихъ больныхъ къ Богу. Убѣдившись многократными опытами въ дѣйствительности этого лѣкарства, отецъ мой обратился въ Московскую медицинскую контору съ просьбою о выдачѣ ему разрѣшенія на составленіе и употребленіе имъ этого лѣкарства. Дѣло восходило до медицинскаго совѣта, который на основаніи записки исправлявшаго должность гражданскаго генераль-штабъ-доктора въ разрѣшеніи отказалъ, на что послѣдовало и утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го апрѣля 1830 года. Въ запискѣ этой генераль-штабъ-докторъ, указавъ на качественный составъ лѣкарства ¹⁾, выразилъ мнѣніе, что „оное, можетъ статься, и доставляло нѣкоторое облегченіе въ припадкахъ, отъ слабости нервовъ происходящихъ

¹⁾ Ex. Gum. Benzoe, rad. Peoniae officin., rad. Lathrae Squamariae, rad. Atropae mandragorae, herba Thumi Serpilli, semin. Raparum recentiu (—iorum?), vino Cohorensi et melle virgineo. Изъ всего этого отецъ варилъ декоктъ.

но чтобы посредствомъ состава сего можно было прекращать и совершенно излѣчить (sic!) падучую болѣзнь, родимецъ у дѣтей, истерику у женщинъ, помѣшательство ума и т. п., то сіе потому невѣроятно, что не только различныя, но однѣ и тѣ же болѣзни, по различію причинъ оныя наводящихъ или поддерживающихъ, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ различныхъ также требуютъ средствъ для искорененія своего, что, безъ сомнѣнія, должно быть извѣстно и самому г. Георгіевскому, какъ доктору медицины, а потому составъ его вовсе не заслуживаетъ того, чтобы на приготовленіе и употребленіе онаго давать особенную какую-либо привилегію“. Если бы дѣло шло объ употребленіи во всѣхъ вышеозначенныхъ болѣзняхъ исключительно лишь этого одного средства, тогда разсужденія медицинскаго совѣта имѣли бы еще нѣкоторое значеніе; но въ данномъ случаѣ они были лишены всякаго основанія, и отказавъ въ общемъ разрѣшеніи употреблять означенное средство, медицинскій совѣтъ принужденъ былъ въ отдѣльныхъ случаяхъ давать таковыя разрѣшенія по просьбамъ ближайшихъ родственниковъ самихъ больныхъ. Въ просьбахъ этихъ непосредственно на имя самого министра внутреннихъ дѣлъ недостатка не было, и первая изъ нихъ была отъ бывшаго (съ 1 января 1817 по іюль 1825 г.) попечителя Московскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника князя Андрея Петровича Оболенскаго, который ходатайствовалъ 9-го мая 1830 года о дозволеніи моему отцу пользоваться изобрѣтеннымъ имъ лѣкарствомъ его больного брата, отставнаго генералъ-маіора кн. Василя Петровича Оболенскаго. Но это ходатайство послѣдовала резолюція министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го мая 1830.: „Увѣдомить доктора Георгіевскаго, что изъ уваженія къ ходатайству г. тайнаго совѣтника Оболенскаго онъ можетъ составлять изобрѣтенное имъ противу нервическихъ болѣзней врачебное средство у себя въ домѣ, но только для пользованія онымъ князя Василя Петровича Оболенскаго, не распространяя сего позволенія на другіе случаи, или при лѣченіи другихъ больныхъ, гдѣ онъ долженъ выписывать средства сіи изъ аптекъ, сообразно существующимъ постановленіямъ“. На послѣдующія подобныя же ходатайства давалось отъ министра внутреннихъ дѣлъ дозволеніе лѣчить подлежащихъ больныхъ „на томъ же самомъ основаніи, какъ разрѣшено было ему пользованіе князя Оболенскаго“. Впослѣдствіи ему было дано знать частнымъ образомъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ можетъ въ частной своей практикѣ употреблять изобрѣ-

тенное имъ лѣкарство безъ испрашиванья каждый разъ особаго разрѣшенія, и такимъ образомъ отецъ мой, до глубины души преданный долгу, могъ по совѣсти исполнять свои обязанности врача безъ нарушенія своего гражданскаго долга, не выходя изъ повиновенія властямъ предержащимъ, каковое онъ считалъ священной обязанностью каждаго гражданина.

Въ то время въ нашемъ медицинскомъ мірѣ шла ожесточенная борьба между русскими и нѣмцами или, точнѣе сказать, между людьми русскаго происхожденія и языка и людьми нѣмецкаго происхожденія. Послѣдніе были въ большой силѣ особенно въ С.-Петербургѣ въ самомъ медицинскомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ихъ вліянію отецъ мой приписывалъ такое недоброжелательное къ нему отношеніе медицинскаго совѣта, чѣмъ еще болѣе поддерживалось и питалось національно-русское и глубоко-патріотическое направленіе моего отца, вынесенное имъ, конечно, прежде всего изъ Владимірской духовной семинаріи и изъ Московскаго университета, гдѣ на медицинскомъ факультетѣ первенствовали такіе дѣятели, какъ Мудровъ и Мухинъ,—направленіе, усиленное и первыми служебными впечатлѣніями въ бытность его въ дѣйствующей арміи, противопоставленной вторженію иноплеменниковъ съ Наполеономъ I во главѣ. Намъ, дѣтямъ, отецъ не переставалъ внушать при всякомъ случаѣ свое національно-русское чувство и свое патріотическое воодушевленіе, свою беззавѣтную преданность православной церкви, Царю и отечеству и русскому народу. Въ этомъ онъ еще до появленія славянофильства былъ истымъ славянофиломъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и къ концу своей жизни не безъ огорченія и даже раздраженія замѣчалъ успѣхи западничества и въ литературѣ, и въ Московскомъ университетѣ, и нѣкоторое его отраженіе и въ моихъ тогда еще далеко не установившихся воззрѣніяхъ.

Медицинская практика привела его къ близкому знакомству съ семействомъ Мельгуновыхъ: съ этимъ семействомъ онъ былъ, какъ выше сказано, за границей и съ нимъ же бывалъ въ обширныхъ ихъ помѣстьяхъ въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ и на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, которымъ и посвятилъ статью: „Сергіевскія (Бугуруславскаго уѣзда) минеральныя воды, по собственнымъ пятилѣтнимъ наблюденіямъ“ въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ и Медицины“ Іовскаго (1829 г., II, 453—76) ¹⁾. Въ томъ же семействѣ Мельгуно-

¹⁾ Въ томъ же журналѣ за 1831 г. (II, 138—64) была имъ напечатана статья: „О мокротной лихорадкѣ“.

выхъ онъ встрѣтился впервые съ будущею своею женою Софіей Дмитриевной Чугаевичъ.

Мамап наша была родомъ изъ дворянской семьи Черниговской губерніи и въ раннемъ дѣтствѣ осталась сиротой. Всѣмъ своимъ воспитаніемъ и образованіемъ она была обязана супругѣ московскаго главнокомандующаго графа Захара Григорьевича Чернышева. Въ какихъ отношеніяхъ родные моей матери стояли къ графинѣ или къ графу Захару Григорьевичу, мнѣ это неизвѣстно; но графиня почему-то взяла къ себѣ на воспитаніе сначала тетушку моей матери Варвару Антоновну, вышедшую потомъ замужъ за Малиновскаго и впоследствии жившую до конца жизни въ нашей семьѣ, а потомъ и мать мою. Сколько могу припомнить и сообразить рассказы моей матери, это былъ цѣлый небольшой пансіонъ благородныхъ дѣвицъ, который устроила и содержала на свой счетъ графиня Чернышева и въ которомъ особенное вниманіе было обращено на изученіе новыхъ иностранныхъ языковъ, на практику въ нихъ, а также на музыку и рисованіе и на женскія рукодѣлья. Въ отношеніи къ новымъ иностраннымъ языкамъ въ этой необыкновенной школѣ-пансіонѣ дѣлалось нѣчто совсѣмъ необыкновенное: мамап вполне владела французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо знала языки итальянскій, испанскій и польскій. Относительно музыки она превосходно играла на фортепіано и на арфѣ, которая была въ то время въ модѣ, и сама обучала своихъ дочерей фортепіанной игрѣ и съ старшею изъ нихъ Надеждою достигла замѣчательныхъ результатовъ. Благодаря мамап и старшей сестрѣ мы выросли, можно сказать, на самой изящной музыкѣ, и слухъ нашъ былъ взлелѣянъ лучшими произведеніями классической, итальянской и русской музыки.

По части живописи у меня сохранился небольшой акварельный портретъ моей бабушки Варвары Антоновны, чрезвычайно похожій на нее, и нѣсколько акварельныхъ бездѣлушекъ (бабочекъ, цвѣтовъ), которыя свидѣтельствуютъ объ отличной техникѣ моей матери по этой части и, смѣю думать, также о ея талантѣ. Рукодѣлья, очевидно, также были поставлены очень высоко въ этомъ пансіонѣ графини Чернышевой. Что въ немъ дѣлалось для пріученія его питомицъ къ домашнему хозяйству, я не знаю; но мать моя славилась между своими знакомыми умѣньемъ поставить и вести свой домъ, какъ слѣдуетъ, и особенно своимъ молочнымъ хозяйствомъ.

Всѣ эти знанія и умѣнья какъ нельзя болѣе пригодились моей маман, когда ей было суждено стать матерью и воспитательницею трехъ дочерей и трехъ сыновей и притомъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ невозможно было бы ни за какія деньги имѣть вполнѣ надежную чужую помощь. Дѣло въ томъ, что семьѣ нашей и особенно родителямъ былъ ниспосланъ тяжкій крестъ: обѣ ихъ младшія дочери Вѣра и Любовь въ самые ранніе годы ихъ жизни, лѣтъ 4-хъ и 5-ти, были поражены въ различной мѣрѣ глухотой. Какъ это случилось, въ точности неизвѣстно. Семья наша,—это было еще лѣтъ за пять до моего рожденья,—гостила лѣтомъ у Мельгуновыхъ. Маленькія дѣти оставались здѣсь болѣе на рукахъ своей няни, и вотъ въ одинъ злосчастный день, помѣстивъ ихъ на широкой подоконницѣ высокаго подъемнаго окна, какія тогда были въ употребленіи, и играя съ ними, она сама же нечаянно сдвинула подставку окна съ мѣста, и окно со всей высоты своей грохнуло на подоконницу съ такой силой, что всѣ стекла разбились въ дребезги, а дѣти были совсѣмъ оглушены. Глухота эта оказалась лишь временною, и у старшей изъ дѣвочекъ, Вѣры, миновала на столько, что она говорила довольно чисто по-русски и немножко по-французски и могла при самоотверженныхъ, соединенныхъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и кротостью, трудахъ матери научиться и читать со смысломъ по-русски и по-церковно-славянски и писать и даже препорядочно играть на фортепіано. Но у младшей дѣвочки, Любы, слухъ былъ пораженъ въ несравненно большей степени. Она до конца жизни осталась при томъ дѣтскомъ лепетѣ, котораго она достигла до катастрофы, и никакими стараніями нельзя было исправить ея крайне неправильнаго говора, ни научить ее читать правильно и со смысломъ, хоть она и доведена была до умѣнья подписывать свое имя, отчество и фамилію и правильно списывать своимъ особымъ дѣтскимъ почеркомъ цѣлыя фразы, напередъ для нея написанныя съ ея же словъ или же просто кѣмъ-либо составленныя. При этомъ однако же она могла въ продолженіе всей своей жизни, хотя и съ большимъ трудомъ, усвоивать себѣ новыя слова въ очень неправильной формѣ, соединяя ихъ съ соответственными понятіями, напр., „обчево“—общество, „пубти“—публика, „мовеша“—*mauvais genre* и т. д. Нуженъ былъ большой навыкъ, чтобы ее понимать и чтобы съ нею говорить. Впрочемъ, какъ она, такъ и Вѣра, лучше всего понимали чужую рѣчь по движенію губъ, особенно если это были хорошо знако-

мыя лица, такъ что въ потьмахъ было совсѣмъ бесполезно заводить съ ними какую бы то ни было рѣчь.

При такихъ тяжкихъ условіяхъ только родная мать съ такимъ высокимъ умомъ и образованіемъ и еще болѣе съ такимъ самоотверженіемъ, съ такою добротою, кротостью и нѣжностью сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ съ замѣчательною твердостью воли и характера, могла достигнуть съ этими несчастными своими дѣтьми такихъ по истинѣ изумительныхъ результатовъ, и одной изъ нихъ, Вѣрѣ, дать всѣ почти способы для истинно-человѣческаго существованія, а другой въ той мѣрѣ, въ какой это оказалось возможнымъ. Большую службу сослужили въ этомъ случаѣ какъ руководѣля, такъ и особенно живопись. Мать сама обучала двухъ старшихъ своихъ дочерей и музыкѣ, и живописи, и всѣмъ вообще предметамъ, а младшую дочь руководѣлямъ и рисованью, и въ этихъ занятіяхъ онѣ преуспѣли и въ продолженіе всей своей жизни находили себѣ большое удовольствіе. Впрочемъ родители вывозили ихъ въ гости, и въ театръ, и на балы, и у себя принимали гостей и устраивали балы и вечера, и находили, что надобно же и этимъ обиженнымъ судьбою дѣтямъ доставить ихъ долю радостей; чтобы имъ было чѣмъ помянуть свою молодость, и что это возможно только при ихъ жизни, при томъ уваженіи и любви, какими они, особенно же пашапа, пользовались въ своемъ обществѣ. Должно правду сказать, что старшая моя сестра Наденька, какъ одаренная отъ природы всѣми чувствами, будучи обучаемая и воспитываемая исключительно только матерью, по своему умственному образованію и развитію, по своей благовоспитанности во всѣхъ отношеніяхъ, едва-ли въ чемъ-либо уступала кому-либо изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ сверстницъ, а по своему прелестному характеру, унаслѣдованному отъ матери, была со многими изъ нихъ въ большой дружбѣ, особенно съ Шелашниковыми, Софьей Петровной, по мужу баронессою фонъ-Гюнтероде, и Аделаидою Петровной княгиней Оболенской, и Елизаветою Алексѣевной Ошаниной, въ замужествѣ Карльгофъ, а потомъ Драшусовой; въ обществѣ же ея находили большое удовольствіе такіе умные и ученые люди, какъ проф., И. Т. Глѣбовъ, М. Н. Катковъ, А. П. Ефремовъ и другіе. Никакихъ гувернантокъ въ нашемъ домѣ не водилось, и одного лишь гувернера я помню, швейцарца *monsieur Pellerorte*, который говорилъ съ нами по-французски и по-нѣмецки и очень скоро исчезъ изъ нашего дома одновременно съ хорошенькой горничной Дуняшей. Впослѣдствіи я узналъ, что совпаденіе это было не случайное и что

бѣдная Дуняша окончила свою жизнь въ родильномъ домѣ несчастными родами.

Затѣмъ все воспитаніе и обученіе наше, мое и брата Дмитрія, велось мамою и Надею подъ главнымъ руководствомъ и при нѣкоторомъ, но очень небольшомъ, участіи отца, который училъ насъ чтенію и письму по-латыни и вообще письму, желая придать большую твердость и мужественность нашему почерку. Не могу сказать, чтобы домашнее мое ученье шло по всѣмъ предметамъ съ удовлетворительнымъ успѣхомъ. Въ предметахъ, которыми съ нами занималась сама мама, я оказывалъ хорошіе успѣхи, именно въ начальномъ курсѣ закона Божія и въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ практически, но съ старшею сестрою, какъ только мы дошли до русской грамматики и ариѳметики (по руководству Меморскаго въ вопросахъ и отвѣтахъ), дѣло пошло очень плохо: очень ужъ смущали меня всѣ эти существительныя и прилагательныя и ихъ падежи: винительный, родительный и т. д., и глаголы съ ихъ залогами, видами и наклоненіями; все это казалось мнѣ чѣмъ-то очень страннымъ, смѣшнымъ и совсѣмъ ненужнымъ. При всей своей изумительной добротѣ, кротости и терпѣніи, сестра Надя по временамъ выходила изъ себя и жаловалась на меня мамѣ какъ на лѣниваго, упрямаго и дерзкаго мальчишку, и тогда мнѣ болѣе или менѣе сильно доставалось. Въ то время ни дѣтей, ни взрослыхъ не баловали, и за провинности со всѣхъ взыскивали очень строго: само правительство показывало примѣръ тому крайне строгими наказаніями даже и въ привилегированныхъ школахъ, и отъ родителей часто приходилось слышать, что васъ запорятъ въ школѣ, коли дома не будете приучены учиться и слушаться. Такимъ образомъ и добрѣйшая наша мама при всей своей нѣжности и слабости нервовъ отъ времени до времени прибѣгала съ нами и къ розгамъ, и раза два досталось и мнѣ за плохое мое ученье у Нади. Вина моя была въ томъ, что я иногда не принималъ въ серіозъ всѣ эти падежи и залоги, склоненія и спряженія, и глумился надъ ихъ прозвищами; но происходило это въ сущности отъ того, что моя дорогая и незабвенная сестра-учительница, при всемъ своемъ умѣ, образованіи и развитости, какъ не прошедшая правильной систематической школы, едва-ли умѣла приняться настоящимъ образомъ за обученіе грамматикѣ или ариѳметикѣ и, безъ сомнѣнія, какъ тогда водилось, обучала по книгѣ, недостаточно разъясняя ея содержаніе и требуя заучиванія ея наизусть. Память у меня была очень хорошая, и заучить я могъ все, что мнѣ задавали;

но примѣнять къ дѣлу заученныя правила (къ грамматическому разбору или къ рѣшенію ариѳметическихъ задачъ) тутъ памяти было мало, и нужно было пониманіе, а до него-то меня и не умѣла довести моя добрѣйшая, но неопытная учительница.

Во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которымъ мы обучались главнымъ образомъ по слуху и во всякомъ случаѣ почти безъ грамматики, мы преуспѣвали настолько, что могли бойко говорить на нихъ съ мамой и съ сестрою и съ знакомыми, особенно же по-французски, такъ какъ въ отсутствіе отца французскій языкъ былъ наиболѣе въ ходу въ нашей семьѣ и съ мамой мы проводили все свое время, которое не посвящали ученію съ сестрой, играмъ или прогулкамъ, и въ которое она сама не занималась съ сестрами, или по хозяйству, или съ гостями, или съ мужемъ, а мама требовала, чтобы мы говорили съ нею по-французски, а по временамъ и по-нѣмецки, какъ только мы немножко понаторѣли въ этихъ языкахъ.

Дѣти въ то время не властвовали такъ въ своихъ семьяхъ, и родители, даже и самые добрые, далеко не находились подъ ихъ командою, какъ теперь. Лѣтъ до 4-хъ или до 5-ти дѣти оставались большею частью у себя въ дѣтской: мы на верху въ мезонинѣ съ своими нянями, которыя приводили насъ къ родителямъ, въ назначенное время или же по особому ихъ зову, и мы не сажались за общій столъ съ большими, а когда бывали гости, то могли выходить къ нимъ не иначе какъ по особому зову, даже и въ первые два-три года послѣ поступленія въ институтъ; да и послѣ случалось, что мы отсылались при гостяхъ къ себѣ въ дѣтскую. Этотъ режимъ имѣлъ несомнѣнно свою хорошую сторону. Прежде всего мы не мѣшали старшимъ въ ихъ бесѣдахъ между собою; пріучались быть скромными и почтительными къ старшимъ; до нашего слуха не могло доходить изъ разговоровъ старшихъ между собою ничего такого, что было бы для насъ непонятнымъ или могло бы насъ смущать и сбивать съ толку. Отъ старшихъ мы слышали только одно: учитесь всему, чему васъ тамъ учатъ, слушайте начальства и ведите себя хорошо. Никакой критики ни учебныхъ, ни воспитательныхъ порядковъ въ школахъ никто себѣ тогда не позволялъ не только въ печати, но и въ разговорахъ между собою, по крайней мѣрѣ при учащихъ, при дѣтяхъ, и никто тогда не смущалъ и не сбивалъ съ толку учащихъ.

Но была и не совсѣмъ хорошая сторона въ этомъ до нѣкоторой степени отчужденіи дѣтей въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ отъ родителей: это возможность всякаго рода злоупотре-

бленій со стороны нянекъ даже и при самомъ тщательномъ при-
смотрѣ со стороны матери, бабушки, сестры, какой былъ въ
нашей семьѣ. Такъ, первая моя нянька Василиса, очень видная
и красивая женщина, оказалась, судя по рассказамъ, во всѣхъ
отношеніяхъ никуда негодною и могла бы меня совсѣмъ погу-
бить, если бы не выдала себя вскорѣ неумѣренностью въ пищѣ
и особенно излишнимъ пристрастьемъ къ пирожнымъ: она тре-
бовала для меня двойныхъ и тройныхъ порцій, но изъ нихъ
мнѣ почти ничего не перепало, а все съѣдала она сама.
Вскорѣ это и многое другое, несравненно худшее, было обнару-
жено, и она была замѣнена тою же няней, которая ходила и за
моимъ братомъ Дмитріемъ, которая очень любила дѣтей и ко-
торую мы очень любили, такъ какъ она была большая масте-
рица рассказывать сказки и устраивать всякаго рода игры и
забавы для дѣтей.

При всей своей близости и нѣжности къ намъ и при всей
своей добротѣ, какъ сказано, и мама не давала намъ потачки,
и въ случаяхъ, когда мы въ своей рѣзвости и въ своихъ шало-
стяхъ выходили изъ границъ дозволеннаго или же въ играхъ
между собою выходили изъ себя, и начинали драться между
собою съ слишкомъ большимъ азартомъ, подвергала насъ нака-
занію розгами. Кромѣ искорененія злобы, задора, легкомыслія
и вообще дурныхъ склонностей при этомъ имѣлось въ виду
пріученіе насъ къ тому самообладанію, послушанію, дисциплинѣ
и порядку, какіе отъ насъ потребуются въ институтѣ, и сверхъ
того предупрежденіе своевременнымъ наказаніемъ гнѣва отца,—
гнѣва, котораго мы никогда не видывали и не испытывали на
себѣ, но которымъ добрѣйшая мама всегда насъ пугала какъ
чѣмъ-то необычайно ужаснымъ. Отецъ дѣйствительно былъ не-
отходчивъ, когда чѣмъ-нибудь разсердится или огорчится; но
намъ не случалось видѣть, чтобы онъ когда-либо выходилъ изъ
себя, и вообще съ нами онъ былъ всегда довольно ласковъ,
хотя и сдержанъ и мало общителенъ, пока мы не подросли и
не стали студентами, тогда какъ мама была истиннымъ средо-
точіемъ семьи и настоящею душою всей нашей семейной жизни,
всегда озабоченная, чтобы чѣмъ-нибудь не раздражить и не
разстроить отца и не возбудить его гнѣва противъ кого-либо
изъ дѣтей или прислуги, и въ случаѣ какой-либо серьезной
провинности всѣ не только изъ женской, но и изъ мужской
прислуги, прежде всего обращались къ добрѣйшей своей барынѣ
и ее просили о заступничествѣ. Прислуга была у насъ почти
вся изъ крѣпостныхъ и очень многочисленная, особенно жен-

ская. Обращеніе съ нею вообще было хорошее и ласковое, что не мѣшало, конечно, старшей горничной, ходившей за матерью и бывшей за экономку, давать затрещины своимъ подчиненнымъ, а кучеру Егору, нашему любимцу, точно также расправляться съ подчиненными ему конюхами. Мнѣ всѣ подобныя сцены были крайне ненавистны: съ самаго дѣтства онѣ глубоко меня огорчали и смущали надолго. Гдѣ можно было, я вступался за обиженныхъ и обезоруживалъ довольно-таки гнѣвную экономку и очень вспыльчиваго, хотя и очень добраго Егора. Но особенно мнѣ памятны два случая, надолго разстроившіе и меня, и всю семью, когда чѣмъ-то тяжело провинился самъ Егоръ, а спустя много времени послѣ того выѣздной лакей Сергѣй, и когда за ними явились будочники, отвели ихъ въ полицейскій домъ и по наказаніи ихъ тамъ розгами, вновь привели ихъ къ отцу, и они, упавъ предъ нимъ ницъ, въ слезахъ просили у него прощенія... въ чемъ, я этого не зналъ; но я до глубины сердца былъ возмущенъ и этими сценами, и тѣмъ, что имъ предшествовало, и этими впечатлѣніями дѣтства объясняю ту сильнѣйшую ненависть, которую я всю жизнь свою питалъ къ крѣпостному быту и ко всякой кулачной расправѣ.

Впрочемъ, это были единственные два подобныхъ случая за всѣ 17 лѣтъ, которыя я прожилъ съ отцомъ, и я долженъ тутъ же прибавить, что вся дворня очень его любила и уважала, какъ то оказалось особенно послѣ его смерти, и никто не хотѣлъ уходить отъ насъ, когда мама, по минованіи 6-ти недѣль, предложила отпустить на волю желающихъ: всѣ они имѣли очень хорошее у насъ содержаніе, и сверхъ того получали ежемѣсячно порядочное жалованье, за что весьма многіе изъ помѣщиковъ и сосѣдей очень пеняли на моихъ родителей.

Сообщ. Левъ Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

